точку зрения на ценность тех или иных вещей, их иерархию в обычном мире. Старший брат или братья святого бывают его умнее (см., например, житие Сергия Радонежского). Но такое понимание ума и глупости в житии опровергается ради утверждения особой мудрости, общающейся с божеством, а потому и недоступной суетному, мирскому пониманию вещей. В сущности, этот же смысл несут и жития, где святой является третьим сыном, хотя на уме первых двух не настаивается (житие Иоанна Купника). «В пору феодального эпоса и легенды, — писал А. Н. Веселовский в „Трех главах из исторической поэтики", — держались в памяти и подражании постоянные образы идеального подвига и подвижничества, и chansons de geste и жития складывались в бессознательном повторении старых идеалов».[5]

Христианство усвоило и фольклорную троичность, и другие формулы народной поэтики, заставив их «служить выражению нового содержания мысли».[6] Среди этих старых формул петух, вестник утра, стал, например, символом Христа, зовущего из мрака к свету. Обычная метафора христианской литературы, уподобляющая «мрак» суете и злобе мира, а «свет» — проповедуемой Христом истине любви, заслуживает в данном случае внимания, потому что она последовательно проведена в романе. Как бы подчиняясь христианской традиции, Иван в своей поэме не забывает окружить светом Христа и мраком, напоминающим мрак преисподней, его могучего и умного противника, Великого инквизитора. О «мраке» и «свете» в том смысле, который имелся в виду христианской литературой, дважды упоминает повествователь, говоря об Алеше: «Просто повторю... вступил он на эту дорогу (речь идет о монастыре, — *В. В.*) потому только, что в то время она одна поразила его и представила ему разом весь идеал исхода рвавшейся из мрака к свету души его» (9, 36). И раньше: «...она одна поразила его и представила ему, так сказать, идеал исхода рвавшейся из мрака мирской злобы к свету любви души его» (9, 26). Впоследствии уже самому Алеше Христос тоже является в необычном, неземном свете («Кана Галилейская»)...

Число же «три» приобрело в христианстве важнейшее значение еще и потому, что служило выражению главного — выражению божества, представляемого как триединство бога-отца, бога-сына и бога-духа святого. В свидетельских показаниях доктора Герценштубе эта трехчленная формула варьируется не напрасно: «... и я принес ему (Мите, — *В. В.*) один фунт орехов..., и я поднял мой палец и сказал ему: „Мальчик! Gott der Vater", — он засмеялся и говорит: „Gott der Vater. — Gott der Sohn". Он еще засмеялся и лепетал: „Gott der Sohn". — „Gott der heilige Geist". Тогда он еще засмеялся и проговорил сколько мог: „Gott der heilige Geist". А я ушел. На третий день иду мимо, а он кричит мне сам: „Дядя, Gott der Vater, Gott der Sohn", и только забыл Gott der heilige Geist, но я ему вспомнил, и мне опять стало очень жаль его. Но его увезли, и я более не видал его. И вот прошло двадцать три года... и вдруг входит цветущий молодой человек, которого я никак не могу узнать, но он поднял палец и смеясь говорит: „Gott der Vater, Gott der Sohn und Gott der heilige Geist! Я сейчас приехал и пришел вас благодарить"» (10, 211).

В романе, где теологические вопросы поставлены в центр внимания, где посрамляется неверие, а каждый член приведенной выше формулы имеет самостоятельное значение, — все это не случайно. По-видимому,

---

[5] А. Н. Веселовский. Историческая поэтика. Л., 1940, стр. 268.
[6] Там же, стр. 362.